

Я. Г. РИЕР, д. и. н., профессор МГУ

ЧЕЛОВЕК И СОБСТВЕННОСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ

История не учительница, а надзирательница, которая жестоко карает за незнание своих уроков.

В.О. Ключевский

Как известно, *формационный* подход к мировому историческому процессу, распространившись в XX веке, на его закате себя исчерпал. Одной из основных причин этого явилась его односторонность: при использовании в качестве инструмента познания истории он позволяет выделять, прежде всего, социально-экономические процессы, оставляя все иные составляющие человеческой жизни на периферии внимания как второстепенные, надстроечные явления, зависимые от основных, базовых, определяющих все общественное развитие. Конкретный человек при этом упаковывался в такие социологические одежды, что становился, по сути, невидимым.

Важность, но и односторонность такого подхода изначально не была тайной для мировой исторической науки. Наиболее внимательные из так называемых буржуазных историков оценили значение марксизма при изучении социальной и экономической истории. Это, прежде всего, как известно, относится к создателям *Школы «Анналов»*. Но взяв эту, рациональную сторону марксистского изучения истории, М. Блок, Л. Февр и их последователи гуманизировали ее вниманием и к самому человеку. Так родилась т. н. «Тотальная история» или «Историческая антропология» с признанием не только многофакторности исторического процесса, вниманием к частностям и региональным особенностям, но с выведением человека в центр интересов историка. Вспомним Блока: *историк должен быть подобен людоеду из сказки — где пахнет человечиною, там его место*. При таком подходе к истории и было выработано современное понятие «цивилизации» как инструмента познания человеческого прошлого. Но только с изживанием монополии марксизма отход от ортодок-

сального формационного подхода стал свершившимся фактом и в нашей, как и вообще в постсоветской историографии.

Теперь цивилизационный подход является и у нас общим местом, причем настолько, что обычно мы его применяем уже без пояснений, как нечто само собой разумеющееся. Хотя в отличие от советской историографии с применявшимся в ней четко очерченным понятийным аппаратом, современные подходы плюралистичны, привычными терминами нередко обозначают разные явления. Это естественно, ибо в стремлении разобраться в многогранной человеческой истории нельзя забывать Козьму Пруткува с его «нельзя объять необъятное». И потому при использовании и старых, и новомодных терминов и понятий необходимы пояснения.

Представляется, что под цивилизацией надо, прежде всего, понимать причудливое переплетение естественно-биологических, географических, демографических, хозяйственно-экономических, социально-политических, идеологических, культурных и ментально-бытовых факторов, присущих конкретному обществу, ограниченному во времени и пространстве. Каждая конкретная цивилизация характерна доминированием тех или иных факторов и их различным сочетанием. Сопоставлять и оценивать такие цивилизации можно по разным параметрам, но поскольку речь идет о *человеческом обществе*, то главным, думается, должно быть выяснение того, насколько данная общественная организация, называемая цивилизацией, удобна человеку, отвечает его природе, способствует раскрытию его потенциала. В этом, думается, и состоит общественное значение историка и его исследований.

Рассмотрим в таком ракурсе средневековые цивилизации. Как известно, уже в древности при распаде первобытных порядков в очагах древних цивилизаций сложились два принципиально различных направления развития: восточное и античное. В первом человек остался встроенным в коллектив не только в социальной, но и в хозяйственной жизни. Во втором при наличии различных социальных структур выделились хозяйственные ячейки, основанные на частнособственнических правах, что обеспечивало известную самостоятельность индивида. Причины сложения столь противоположных направлений многократно анализировались, особенно в последние годы, в том числе и автором¹.

В средние века развитие восточных обществ происходило в рамках прежней парадигмы. Отсюда, кстати, трудность перенесения на Восток европейских хронологических подходов.

В Европе ситуация развивалась иначе. На западе континента в результате синтеза германских и римских порядков в специфической природной среде, способствовавшей ведению индивидуального хозяйства, при удаленности от варварской и кочевой периферии сложилась специфическая т. н. западноевропейская цивилизация. Ее характерной особенностью, даже одной из основ было сохранение индивидуальных хозяйств и выросших из этого частнополитических прав при слабости централизованных начал. Специфической формой крестьянского землепользования еще в догосударственную эпоху там стал, как известно, аллод, из которого сложилось представление о возможности отчуждения общинной земли в индивидуальное владение. При оформлении королевской власти это позволило ей отчуждать части общинной альменды во владение своим приближенным, воинам (что оговаривалось, например, в «Салической Правде»). Из таких владений, по правовому статусу, по сути, аллодов, формировалось рыцарское землевладение. И хотя права владельцев ограничивались, как известно, определенными рамками (несением повинностей у крестьян и службой у дворян), хозяйственная самостоятельность землевладельцев сохранялась. Вспомним, что «Салическая Правда» ограничивала возможности входа в пределы огороженного места всем посторонним, в том числе людям короля. Вспомним, как в «Капитулярии о поместьях» проявилось стремление к рациональному ведению хозяйства (ведь в желаемой структуре поместной администрации не было ни одного лишнего должностного лица — все «руководители», от старосты и ключника до управляющего ничего не получали из «барского кармана», а жили от своих собственных держаний). Не отсюда ли истоки известной хозяйственной самостоятельности и деловой активности западноевропейцев, особо проявившихся с нового времени?

В конечном счете, это привело к сохранению свободного крестьянства в отдельных регионах (Скандинавия, Швейцария), развитию такого феномена, как вольные города с независимыми ремесленными и торговыми корпорациями, появлению парламентаризма и выработке навыков умения отстаивать свои индивидуальные и корпоративные права перед властью, а власть, в свою очередь, приучалась видеть пределы своих возможностей и в эксплуатации населения, и в во вмешательстве в хозяйственную жизнь. И как конечный результат — формирование, а, по сути, изобретение буржуазных порядков. В Центральной Европе отмеченные процессы развивались замедленнее из-

за специфики общины и географических особенностей. Восточная Европа из-за удаленности от античных центров и близости к кочевому миру избрала, в общем-то, восточный путь развития.

Начав с крайне низкого жизненного уровня в раннем средневековье, с начала II тыс. Западная Европа развивалась все более ускоренными темпами, что с середины тысячелетия выразилось в ее колониальной экспансии. Ибо восточные цивилизации к этому времени технологически и организационно отстали от Запада.

В чем причины такого западноевропейского рывка при сохранении традиционных ритмов существования остальных цивилизаций? В.А. Мельянецов назвал этот западноевропейский феномен эффектом раскованного Прометея². Человек, который даже в специфических условиях средневековья имел определенные гарантии хозяйственной самостоятельности, самореализовывался намного динамичнее и полнее скованного несвободами и произволом человека восточных цивилизаций. Не случайно, уже Фома Аквинский с сожалением констатировал, что человек более прилежен, когда работает на себя, а не на общину³. И хотя он, как и другие тогдашние мыслители, видел в этом следствие человеческого несовершенства и греховности, динамика цивилизационного развития демонстрирует, что именно такая организация человеческой деятельности позволяет создавать, в конечном счете, более высокий уровень жизни.

Уместно вспомнить, что самой логикой жесткой централизации восточные цивилизации выработали модели строго вертикального управления, которые всегда требуют многочисленного бюрократического аппарата. Последний, как известно, становится дополнительным звеном между властью и подданными и для собственного существования требует изрядную долю производившегося валового продукта, что вело к повышению нормы эксплуатации трудового населения во всех восточных цивилизациях и, в итоге сокращало, по сравнению с Западной Европой, объем ресурсов, которые можно было использовать для развития экономики. Поэтому на Востоке и не сложились условия для трансформации феодальной экономики в более рациональную, так называемую буржуазную.

Очевидно, выработанная античной и развитая средневековой западноевропейской цивилизациями хозяйственная организация,

основанная на частнособственнических нормах, оказалась более соответствующей человеческой природе, чем восточные порядки. Эта сторона человека, его предрасположенность к хозяйственной самостоятельности и созданию собственности, проявилась, кстати, еще в первобытности при распаде больших родовых общин на отдельные семьи. Но на Востоке стремление к индивидуальной жизни и хозяйственной деятельности было подавлено известными природно-географическими и политическими факторами. Хотя в истории практически каждого государства Востока известны периоды, когда при ослаблении центральной власти в среде знати усиливалась тяга к «приватизации» условно принадлежащих им земель (например, превращение «икта» в «мюльк» в мусульманских государствах). Но это расшатывало покоящуюся на централизации государственность, вело к ослаблению или даже гибели страны и новому периоду деспотизма. Япония, островное положение которой способствовало развитию близких к западноевропейским формам земельной собственности, продемонстрировала, что при всех прочих цивилизационных особенностях именно форма землевладения определяет общую динамику развития.

¹ См.: Рнер Я.Г. Сколько путей проложила для нас история? // Веснік Магілёўскага дзяржуніверсітэта. 1998. № 1. С. 59–68.

² Мельянцев В.А. Экономическая динамика стран Востока в средние века и новое время // Вестник МГУ. 1993. Сер. 13. Востоковедение. № 3. С. 3–21.

³ Кудрявцев О.Ф. Естественное право и собственность // Природа в культуре Возрождения. М. 1992.